

Мелина Боярова

**ЕДИНСТВЕННАЯ
ДЛЯ КНЯЗЯ.
КАК ДОЛГО Я ТЕБЯ ИСКАЛ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Б86

Боярова М.
Б86 Единственная для князя. Как долго я тебя искал / Мелина Боярова – М.: Литнет, 2026. – 312 с.

ISBN 978-5-521-93879-7

Однажды я проснулась и осознала, что ничего не помню о себе и собственном прошлом. Говорят, я важный свидетель в громком преступлении, и мои показания помогут разоблачить убийцу. Я готова сотрудничать со следствием и хочу вспомнить, кто же такая гимназистка Молчанова. Проблема в том, что я совсем не тихоня и отличница, за которую меня все принимают. И самое ужасное, что великий и безупречный канцлер, лично заинтересованный в расследовании, начинает меня в чем-то подозревать.

Редактура: Наталья Ананьева

Обложка: Нина Неангел

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93879-7

© Литнет, 2026
© М. Боярова, 2026

Глава 1

Запах больницы ни с чем не спутаешь. Смесь лекарств и обеззараживающего средства намертво въедается в оштукатуренные стены, оседает на дощатом полу, подоконниках и полированных спинках кроватей. Я еще витала в приятной дреме, цепляясь за обрывки сна, а в носу уже свербело от хлорной извести.

До слуха донеслось ворчание уборщицы и скользящий звук швабры с характерным постукиванием. Ежедневная уборка помещений и неизбежный ранний подъем пациентов – классическое начало дня в любом лечебном заведении нашей необъятной страны. Наконец, хлопнула дверь, обдавая меня легким сквозняком, и наступила тишина. Однако я уже проснулась. Едкий запах стал резче, проникнув внутрь вместе с порывом воздуха, чему я искренне возмутилась и оповестила об этом громким чиханием. Туман в голове сразу прочистился, я распахнула глаза и уставилась в беленый потолок.

И что это я здесь делаю? – возник резонный вопрос и следом не менее важный. – А я – кто?

Странное ощущение – не знать, кто ты такая, и в то же время понимать, что это ненормально. Ведь, если ты чего-то не помнишь, то и не задумываешься над этим. Я встряхнула головой, затем прикоснулась пальцами к вискам и с силой на них надавила. Кроме вспышки боли, это действие ничего не принесло. Что-то мешало вспомнить.

В одноместной палате, помимо кровати, стула и тумбочки, на стене у входа висел рукомойник. Под ним располагалась металлическая чаша, упрятанная в деревянную тумбу, на которой я заметила мыльные принадлежности и зеркальце на длинной ручке. К нему-то я и устремилась за ответами.

Из тусклого прямоугольника на меня грустными глазами цвета медового хмеля смотрела миловидная блондинка с пухлыми губка-

ми. Я сжала их в тонкую полоску и нахмурилась, придирчиво оценивая себя со стороны. Рост выше среднего – откуда-то я это знала, фигура спортивная, сформировавшаяся, привычная к физическим нагрузкам. Волосы густые, но слишком тонкие и воздушные. Прически на таких долго не держатся. Родимые пятна и прочие отметины на видимых местах отсутствуют. И лет мне на вид от семнадцати до двадцати, хотя по ощущениям намного старше. Что же, неплохо для начала. Осталось выяснить, кто я и как сюда попала.

Накинув поверх ночной рубашки больничный халат, я сунула ноги в матерчатые тапки и прошлепала к двери, высунув нос наружу. Хм, длинный коридор с палатами по обе стороны. Примерно посередине находится стол дежурной медсестры. Слева на кушетке, откинувшись к стене, дремлет немолодой мужчина в униформе. Несмазанные петли скрипнули, и незнакомец тут же встрепенулся, машинально положил правую руку на кобуру с торчащей наружу коричневой рукоятью табельного оружия.

– Барышня? – увидев меня, мужчина нахмурился. – Не положено! Вернитесь в палату!

– Кем не положено? Что не положено? – Я оторопела, а дежурная подняла заспанное личико, несколько секунд смотрела непонимающим взглядом, а после подскочила с места и бегом бросилась ко мне.

– Барышня, что же вы встали? Нельзя вам! Доктор не разрешал подниматься. Вернитесь в палату, пожалуйста! – приблизившись, машинально подхватила меня под локоток, но тут же отдернула руку, будто я прокаженная.

– Извините! – Я растерялась, совершенно ничего не понимая. – Мне нужно посетить туалетную комнату.

– Не извольте беспокоиться! Сейчас Марью Кузьминичну пришлю, и все на месте сделаете. А вставать нельзя. Вдруг головокружение начнется? Или обморок случится? Вчера Эдуард Францевич весь резерв на вас потратил. Что же вы, столько трудов и насмарку? Никак нельзя, Настасья Трофимовна. Идемте в палату.

Анастасия Трофимовна? Ну, хоть имя узнала. Кстати, на двери с наружной стороны висела табличка, где значилась пациентка Молчанова. Выходит, это я и есть?

Задумавшись, я вернулась в палату. Медсестра чуть ли не на пятки наступала и семенила следом, будто опасалась, что я нарочно бухнусь тут в обморок. Нет, это не мой вариант – слишком отличаюсь от изнеженных девиц. Хм, откуда такая уверенность?

– Молчанова Анастасия Трофимовна – это я? – уточнила на всякий случай.

– А вы не помните? – Девушка посмотрела на меня с жалостью. – Эдуард Францевич предупреждал, что возможна кратковременная потеря памяти. После ментального удара и не такое случается. Из группы только вы и выжили... – осеклась, прикрыла рот ладошкой и покосилась на дверь, за которой сидел караульный. – Ой! Не велено же ничего рассказывать. Не выдавайте, пожалуйста!

– Не выдам! – Кивнула решительно. – Только и вы помогите. Расскажите, что обо мне известно? Как я сюда попала?

– Да не знаю я ничего толком, – медсестра испуганно понизила голос. – Я в ночную смену вчера заступила, а вас еще днем привезли. Главный, говорят, ни на шаг из палаты не отходил, а в коридоре столько народу толпилось – ужас. Околоточный, жандармы, важные господа в штатском, маги – посмотреть в их сторону лишний раз страшно. Слухи по больнице расползлись, будто гимназистов с Большой Дворянской насмерть поубивало. Жалко-то как! – достала платочек из передника и смахнула слезинки со щек.

Я присела на кровать, огорошенная новостями. Получается, погибли люди, с которыми я была знакома? Внутри шевельнулась жалость, но тут же и заглохла. Конечно, я сочувствовала горю, что пришло в чужие семьи, но ощущения потери не испытывала. Может, из-за того, что ничего не помнила об этих ребятах?

Медсестра, воспользовавшись моей задумчивостью, тихонько выскользнула за дверь, а на смену ей минут через десять пришла

Марья Кузьминична – санитарка, ухаживающая за тяжелыми больными. С собой она принесла теплой воды для умывания и судно.

– Так, я же хорошо себя чувствую, сама дойду до туалетной комнаты, – возразила, опасливо разглядывая нехитрое приспособление.

– Вот и ладно! Эдуард Францевич будет рад. А вставать и выходить из палаты не велено. Вы уж не подведите, не нарушайте установленный режим. Вдруг вам хуже сделается, с кого за это спросят?

Сопротивляться установленным правилам я посчитала бессмысленным. Только отчего все так опасаются ко мне прикоснуться? Заметила, что санитарка тоже держится на расстоянии.

Пока она перестилала постель, я умылась, почистила зубы, расчесала волосы и заплела тугую косу. Уже потом обратила внимание, насколько привычны для меня эти действия.

Перед уходом Марья Кузьминична смахнула пыль с подоконника и мебели, протерла дверные ручки и предупредила, что завтрак принесет после обхода. Вдруг доктор процедуры назначит, при которых кушать нежелательно? Я равнодушно пожала плечами. В данном вопросе ничего не понимала, хотя не отказалась бы перекусить. Забравшись в кровать, как настойчиво просила женщина, вытянула руки вдоль тела и покивала, заверяя, что вставать до прихода доктора не буду. Но, стоило санитарке выйти за дверь, как я тут же вскочила и босиком прошлепала к окошку с двойным рядом стекол. Из моей палаты просматривался внутренний больничный двор с палисадником и скамеечками для отдыха. У крылечка, свернувшись клубком под навесом, лежал дворовый пес. И воробьи, нахохлившись, сидели на голых ветках единственного деревца. Ненастная погода и морозящий дождик не располагали к прогулкам.

Заслышав шаги и шум разговоров снаружи, я вернулась в кровать. Только успела вытянуться, как дверь распахнулась, запуская толпу народа. Хотя обозвать их толпой я погорячилась. Вошли двое: широкоплечий мужчина в белом халате и средних лет дама в сером платье с белым передником.

– Ну-с, доброго здравия, Анастасия Трофимовна, – поздоровался доктор и притормозил у рукомыльника, споласкивая руки. – Как самочувствие? Есть ли жалобы?

– Здравствуйте, э... Эдуард Францевич? Самочувствие нормальное, жалоб нет, – ответила неуверенно.

– Вот как? – Мужчина изумленно вскинул бровь. – А мне тут передали, что с памятью проблемы возникли. Будто бы имени собственного не вспомнили. Это так?

– Так! – Я нервно улыбнулась. – Но у меня ничего не болит, руки-ноги на месте – все в порядке.

– Не скажите, барышня. – Доктор подошел к кровати и присел к краю. – Давайте посмотрим на ваше «в порядке». Полежите смирно.

У меня глаза округлились, когда мужчина занес ладони над моей головой. Пространство вокруг его рук будто бы посветлело, а меня коснулось что-то ласковое, доброе и теплой волной прошлошь по телу. Сразу прибавилось сил, появилось непреодолимое желание подскочить с места, заняться каким-нибудь делом. Только просьба «полежать смирно» удерживала на месте.

– Действительно, физические показатели в норме, – подтвердил Эдуард Францевич. – Сейчас только кровь посмотрим, очистилась ли, а то дымом так надышалась, думал, не откачаем. – Мужчина коснулся жилки на моем запястье и замер, минуту слушая пульс. – Чисто! Вот и славно! – Посмотрел на меня хитрым прищуром глаз.

Он не побрезговал взять меня за руку, и это приятно удивило. А вот то, что последовало за этим, напугало немного. Я вдруг отчетливо увидела, чем доктор занимался перед обходом. У него состоялась беседа с человеком в военной униформе, который прибыл в сопровождении еще двух сотрудников. Невольно ощутила неприязнь, которую вызвал столь ранний визит у Эдуарда Францевича. Причем, неприязнь профессиональную, означающую, что эти посетители готовы на крайние меры, лишь бы добиться результата.

– К вам тут из Следственного комитета пожаловали, – преду-

предил Эдуард Францевич. – Я рекомендовал дать вам пару дней полного покоя и постельного режима, но дело уж больно важное.

– Доктор! – Я вцепилась в рукав его больничного халата. – Но я ничего не помню! Абсолютно! Чистый лист. Что я им скажу?

– Правду, Анастасия Трофимовна, – Эдуард Францевич участливо похлопал по моей похолодевшей ладошке и вежливо отстранился. – Исключительно правду! Зиночка, – обратился к молчаливой помощнице, – пожалуйста, сообщите, как Их превосходительство закончит беседу.

– А лечение? Особые распоряжения будут? – уточнила женщина красивым грудным голосом.

– Позже назначим. Посмотрим, что маг скажет. – С этими словами мужчина поднялся и вышел из палаты.

Дверь не успела закрыться, как на пороге показались те самые личности из странного видения. Первый – седовласый мужчина в наглухо застегнутом черном мундире с двойным рядом пуговиц, воротник-стойку и обшлага которого украшало золотое шитье. Внешность у гостя запоминающаяся: пышные усы, шрам над левой бровью и внимательный взгляд глубоко посаженных глаз. Добродушная улыбка ничуть не обманула в том, что настроен он решительно. Его спутники по-деловому рассредоточились по комнате. Один устроился в изголовье за спинкой кровати. Второй – занял место у двери и зашторил смотровое окошко.

– Доброго утра, барышня! – Первым заговорил важный гость, усаживаясь на единственный стул, придвинутый вплотную к кровати. – Начальник Следственного комитета имперского сыска, действительный статский советник Лутецкий Степан Аверьянович. Это, – указал на моложавого мужчину у входа, – старший следователь Запрудов Николай Васильевич и штатный маг разума четвертой категории Остромыслов Глеб Валерьянович, – кивком обозначил третьего гостя.

– Здравствуйте! – Не знаю, что больше впечатлило, высокий

чин посетителя или присутствие мага разума? – Чем могу помочь, Ваше превосходительство?

– Можете, Анастасия Трофимовна. Поможете тем, что расскажете подробно о вчерашних событиях.

– Но я... я не помню. Только имя свое недавно узнала, и ничего больше.

– Глеб Валерьянович? – мужчина бросил взгляд на мага.

– Не врет, – подтвердил он. – С вашего позволения, я хотел бы убедиться.

Начальник степенно кивнул, давая такое разрешение, отчего у меня внутри все похолодело. Видно, моего согласия даже не требовалось. Я расслышала шорох снимаемых перчаток, затем сверху нависла тень, а на виски легли чужие прохладные пальцы. Я сжалась в ожидании неприятных ощущений, и не ошиблась. Голову будто жгутом передавило и прострелило резкой мигреновой болью. Из глаз брызнули слезы, и я закусила до крови нижнюю губу, чтобы не закричать. Помочь я хотела и вспомнить – тоже. Ради этого стоило потерпеть. Не представляла только, что это так больно.

– Ааа! – Все же не выдержала и закричала в голос.

Как бы я хотела в этот момент побыть слабой барышней, падающей в обморок от малейшего испуга. Но даже зубодробительная боль не заставила потерять сознания. Как в тумане расслышала приказ Лутецкого прекратить, а после в дверь, удерживаемую третьим сотрудником, забарабанили.

– По какому праву? – расслышала возмущенный голос. – Гимназистка Молчанова – пострадавшая, а вы обращаетесь с ней, как с преступницей!

– Зачем же я пациентку с того света вытаскивал, чтобы ее тут же угробили! – узнала я во втором заступнике Эдуарда Францевича.

Судя по звукам, защитники прорвались в палату. Разглядеть их мешало противное мельтешение в глазах.

– Девушка – важный свидетель! – скупой огрызнулся действительный статский советник. – Ее показания помогут найти убийцу!

– Но я ведь предупреждал об амнезии! – укорил доктор. – Грубым вмешательством вы только навредите. Желаете, чтобы молодая и полная сил девушка превратилась в овощ?

Эй! Какой такой овощ? Мы так не договаривались.

К троице в черном возникла резкая антипатия. Я и так не испытывала к ним теплых чувств, а после экзекуции, которой меня подвергли походя, совершенно утратила доверие.

– Это дело государственной важности! Молчанова – будущий сотрудник полиции и дала согласие на процедуру.

– Она ничего не помнит, и сама не поняла, на что согласилась, – продолжал рьяно защищать меня незнакомый голос.

– Довольно споров! – устало произнес Лутецкий. – Эдуард Францевич, какие прогнозы на восстановление памяти?

– С этого и надо было начинать! Я думал, ваш мозголом справится, поможет как-то, подстегнет умственные процессы, отвечающие за воспоминания. А теперь что? Мне нужно ее осмотреть, чтобы дать прогнозы.

– Ну, так осматривайте! Кто мешает? – Я расслышала звук отодвигаемого стула, шорох и удаляющиеся шаги.

Ага, а другой так и навис, следит за каждым движением. Мага я теперь здраво опасалась и не желала иметь с ним дел. Поэтому лежала, не шевелясь, чтобы он снова не принялся за свое. Ирод! Хоть бы предупредил, что это опасно.

Но вот я снова почувствовала тепло и прилив сил, отчего на губы невольно наползла блаженная улыбка.

– Спасибо! – Чуть приоткрыла глаза, чтобы посмотреть на спасителя.

– Как самочувствие, Анастасия Трофимовна? – участливо поинтересовался Эдуард Францевич.

– Значительно лучше. Голова только гудит и тошно в груди. – Прислушалась к себе. – Не думала, что это будет так...

Краем глаза заметила, как маг покинул место в изголовье крова-